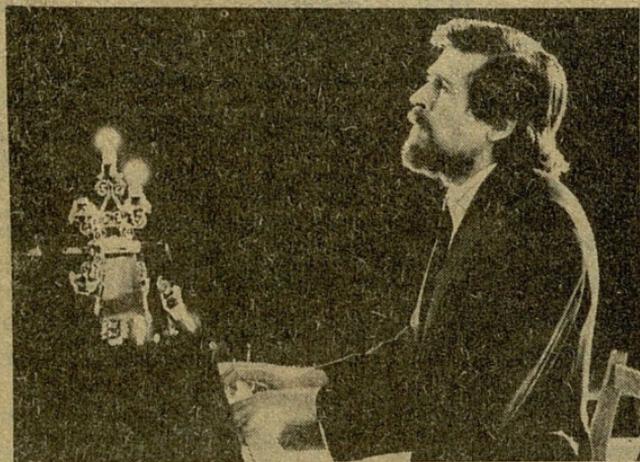

ПЯТЬ МИНУТ НА ИНТЕРВЬЮ

Казалось бы, все шло к тому, что солиста Московского Кончаловского ожидает обычная творческая судьба пианиста-исполнителя. Закончена Московская консерватория, выпускник класса профессора Э. Г. Гилельса выступает с концертными программами в известных столичных залах, выезжает на гастроли... И если сегодня артист известен как исполнитель композиций, в которых музыка соединяется с поэзией и живописью, то получилось это, по словам самого Кончаловского, совершенно случайно.

— Около восьми лет назад, при подготовке программы французских композиторов - импрессионистов, я обратил внимание, что произведения Дебюсси и Равеля приобретают новое звучание в сочетании с поэзией Верлена и живописью Моне и Ренуара и в то же время кажутся весьма близкими им по настроению. Так родилась простая, в общем-то, идея: демонстрировать во время концертов слайды полотен известных художников.

— В этом, вероятно, сказались ваше пристрастие к живописи?

— Любовь к живописи перешла ко мне в наследство от моего деда, известного советского художника П. П. Кончаловского. К сожалению, постоянные поездки помешали

регулярным занятиям (я писал акварели), но рассказывать о живописи я всегда мог с увлечением. Премьера программы «Французские импрессионисты» состоялась в Музее А. П. Чехова. Возможно, этот концерт так и остался бы экспериментом, но меня поразил интерес со стороны публики. Лишние билеты спрашивали на углу Герцена и Кудринской!

Должен признаться, что молодые исполнители - пианисты не так уж избалованы вниманием публики, чтобы относиться к этому интересу равнодушно.

— Что же, по-вашему, привлекает зрителей в ваших концертах?

— На протяжении последних ста лет фортепианные концерты прак-

тически не менялись по форме. Тем временем у любителей музыки появилась прекрасная возможность слушать любимые произведения в исполнении выдающихся исполнителей: достаточно поставить на проигрыватель пластинку Рихтера или, скажем, Гилельса.

Вот почему некоторые пианисты считают необходимым поиск новых форм общения с публикой. Одну из таких форм пытаюсь развивать и я. Как мне кажется, в результате сочетания живописи, музыки и литературы рождается какое-то новое, вполне самостоятельное произведение искусства.

— В афише ваших концертов есть один, не совсем обычный...

— «Моцарт и Сальери»? В этой композиции я выступаю не столько как пианист, сколько как исследователь, «адвокат» Сальери. Документы, воспоминания современников, наконец, музыка композитора свидетельствуют о том, что распространенная легенда о его злодействе — не более чем вымысел.

— Какие же новые композиции услышат ваши зрители?

— Недавно в Ярославле я вместе с симфоническим оркестром исполнил произведения Прокофьева. А на слайдах зрители увидели памятники древнерусской архитектуры...

Завтра в Доме культуры гуманитарных факультетов МГУ в исполнении Максима Кончаловского прозвучит композиция «Бетховен, Роден, Рильке». 31 мая — «Гете, Шуберт, Лист».